

и практиков на путь агентности, понимаемой как политическая «критика» современного капиталистического общества.

И еще одно: в учебном тексте для русскоязычной аудитории запрашивается раздел о ССТ, созданных и создаваемых отечественной социологической наукой. В рецензируемой книге достойно показано наследие П.А. Сорокина – продолжателя традиций российской культурной и научной мысли дореволюционной и революционной России, выдвинувшей ряд классических положений социальных наук и т.д. Не следует в обстановке перехода к «пост-европейскому» этапу в истории социологии обходить молчанием поиски советских и постсоветских ученых последних десятилетий: вся современная социология находится, можно сказать, в равном положении открывателей нового.

Но это разговор о перспективе совсем другого курса ССТ. Подождем? И будем по мере сил выкладывать мозаику новых идей и книг, развивающих творческие импульсы труда И. Шубрта и Д.Г. Подвойского.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Российского государственного гуманитарного университета; зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (socis@isras.ru).

Šhubrt I., Podvoyski D.G. CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL THEORIES: HOW NOT TO GO ASTRAY IN CONCEPTUAL LABYRINTHS. Moscow: VTSIOM, 2024. Reviewed by N.V. Romanovskiy

DOI: 10.31857/S0132162524050175

ROMANOVSKIY Nikolay V., Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof. of the Russian State University for Humanities; Deputy Head Editor of the journal "Sociological Studies", Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2024 г.

Ефременко Д.В., Николаев В.Г. МЫСЛИТЕЛИ ГОРОДА ВЕТРОВ. ПРАГМАТИСТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА В ЧИКАГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА / Под общ. ред. Н.Е. Покровского. М.: ИНИОН РАН, 2024.

Новая монография представляет собой историко-социологическое исследование двух важнейших научных направлений Чикагской школы социальной мысли – социологического и политологического. Она представляет собой итог многолетних исследований и переводческой деятельности специалистов ИНИОН РАН и является существенным дополнением и навигатором в корпусе изданных переводов и сборников по данной теме. В монографию вошли ранее не публиковавшиеся работы и опубликованные научные статьи, которые собраны в новом аналитическом ансамбле.

В сегодняшней отечественной социальной науке монография представляет собой редкий пример обращения к истокам социологии и политологии, тем самым повышая свою актуальность в деле развития соответствующих ветвей образования. Критерием отбора в данном случае являются концепции признанных социологов и политологов (и их биографии) с целью показать значение и влияние Чикагской школы на мировую науку. Этот критерий определяет новизну монографии, поскольку в данном ракурсе

специалисты и широкий круг читателей смогут отчетливее разглядеть самобытные черты Чикагской школы в двух разных научных направлениях, которые являются частью современной специализации науки и университетского образования. Если о социологической традиции Чикагской школы в российском общественном сознании написано довольно много, то об истории чикагской традиции политической науки – явно недостаточно, тем более в соотношении с социологической.

В монографии ставилась задача не охватить все факты и концепции, всех представителей Чикагской школы, а выбрать теории и исследования главных фигур, творчество которых имело *принципиальное* значение для последующего развития науки, образования и политики. Авторы с самого начала «отказались от идеи превратить ее в каталог или своего рода словарь» (с. 6), данный выбор работает не как ограничение, а определяет оригинальность и фокус работы. Эта задача интересна еще и тем, что некоторые выдающиеся работы преданы забвению и до сих пор мало известны сегодняшним студентам и даже специалистам. Монографию отличает не стремление систематизировать научные идеи выбранных исследователей, анализ базируется на «...оригинальных творческих разработках отдельных ученых, ограниченных лишь рядом принципиальных соображений в отношении природы изучаемого предмета и адекватных этому предмету процедур научного познания» (с. 7)¹. Ясность изложения, захватывающий стиль рассказа и прозрачный анализ фактов и теорий также является редким достоинством работы, выполняя одновременно научную и просветительскую функцию: читателю открывается история идей и биографии представителей американской социологии и политической науки в контексте «небывалых темпов урбанизации» в Северной Америке и развития Чикагского университета. Монография содержит постраничные сноски, в которых укомплектована обширная библиография первоисточников и критической литературы по теме, а также детальные примечания к содержанию глав. В книге читатель найдет не только фотографические портреты американских мыслителей, но и фото Чикаго, Чикагского университета, карикатур и выдающихся людей того времени.

Монография состоит из двух частей, посвященных соответственно мыслителям социологической и политической науки, и снабжена увлекательным «Прологом» о духе времени и гении места (с. 8), в котором излагается история создания Чикагского университета, факультета социологии и антропологии и факультета политической науки (он написан Д.В. Ефременко, известным специалистом по политической науке в России). В прологе охарактеризована социальная и научная среда, при описании которой строится живая картина городской жизни Чикаго, «метаболизм» и инфраструктура жизни которого отразили бурное развитие капитализма и его кризисы, неутомимую политическую и повседневную жизнь Америки конца XIX – первой трети XX века (эта картина раскрывается в нескольких сюжетах: к примеру, поражает описание Чикагского скотного двора – «Сток-Ярда» – индустриально-животного комплекса, который способствовал не только техническим усовершенствованиям, но активизации деятельности по улучшению городской среды (с. 27–29). Этот контекст предстает как неразрывно связанный с формированием научного стиля Чикагской школы, которая была строго и всецело ориентированной на эмпирические исследования. Важнейший контекст городской жизни передается с помощью метафор: *конец «позолоченного века»*, что отражает состояние капитализма, и *«исповедальной страсти»*, характеризующей установку мыслителей, вошедших в Чикагский университет и активным образом участвовавших в его организации и администрировании.

Практически во всех главах обозначена и проанализирована связь каждого учебного с философским течением американского прагматизма и прежде всего с идеями Дж. Дьюи, что делает исследовательские сюжеты и теории каждого выбранного для анализа мыслителя более объемными и понятными: «чикагскую социальную науку можно считать прагматистской в силу того, что она полностью разделяет исходные установки

¹ В круглых скобках указываются страницы рецензируемой книги.

отцов-основателей прагматизма, которые видели миссию наук об обществе не только в производстве нового знания о социальных процессах и институтах, но и в способности внести важнейший вклад в решение животрепещущих проблем, с которыми общество сталкивается» (с. 40). Чикагский университет в точке наивысшего расцвета социальных наук до конца 1930-х гг. был «доменом дьювианского прагматизма» (с. 44). В контексте прагматистского единства Чикагской школы интересным вкладом монографии является составленная авторами таблица «кросс-дисциплинарных пересечений в научной и образовательной деятельности лидирующих фигур Чикагского университета в областях философии, психологии, социологии, экономики, политической науки» (с. 45), которая демонстрирует это единство, показывает взаимное влияние и основной научный вклад. В этом смысле Чикагский университет был в прямом смысле «колыбелью научных школ», «золотым веком» для социальных наук, хотя в становлении научных школ не было «синхронности», даже в близких друг другу дисциплинах (с. 46–47). Тем интереснее становится научная задача монографии – рассмотреть становление социальных наук в сопоставлении вклада социологов и политологов.

В монографии не используется понятие «парадигмы», содержание книги базируется на понятии «научной школы» в отношении сообщества ученых Чикагского университета. Это можно считать достоинством, поскольку переносить понятие парадигмы, созданное для описания развития естественно-научного знания, на социальные науки было бы не совсем точно и корректно. Понятие «научной школы» как научного сообщества, сформировавшегося «на определенной институциональной основе вокруг интеллектуального лидера, чьи идеи, деятельность, организационные качества и – в меньшей степени – статус в научной иерархии определяют идентичность и стабильность данного сообщества, которое демонстрирует способность к самовоспроизводству на протяжении периода активности нескольких исследовательских поколений», где наблюдается «принципиальная общность научных взглядов, этических принципов, нормативных установок и теоретико-методологических подходов, не исключающая при этом высокой степени вариативности, связанной с предметной спецификой конкретных исследований, проводимых различными представителями данной школы» (с. 46), является, во-первых, *точным и адекватным в данном контексте*, а, во-вторых, более *продуктивным с точки зрения изучения истории науки*. Добавим, что во всех главах показывается соотношение теоретической и эмпирической работы каждого мыслителя. Широко известно, что большее внимание чикагцы уделяли эмпирическим исследованиям, поэтому значение их теоретических оснований иногда недооценивается, однако они также имели огромное значение для последующих поколений ученых.

В первую часть «Чикагская прагматистская социология: изучение общества в действии» вошли главы о видных фигурах Чикагской социологии от известного специалиста В.Г. Николаева (о Дж.Г. Миде, Р.Э. Парке, Л. Вирте, Э. Хьюзе, Г. Блумере, Р. Редфилде и У. Огборне). Здесь мы найдем не публиковавшиеся ранее материалы и представляющие большой интерес для изучающих чикагскую социологию. К примеру, глава о Дж.Г. Миде значительно расширяет понимание его теорий, показывается разнообразие и глубина его интересов. Помимо содержания научных разработок мы многое узнаем об устройстве факультета социологии и антропологии Чикагского университета, о его основных руководителях и специализациях (человеческой экологии, социальной психологии и социальной организации). В книге показано, что «в рамках чикагской традиции сформировались и развивались несколько типов исследований, изначально связанных друг с другом общей теоретической рамкой» (с. 61): экологические (включая демографические), интеракционистские социально-психологические и комплексные исследования различных групп и институтов. Ключевым словом для характеристики исследований каждого социолога можно считать «лабораторию», которое передает не только позитивистский натуралистический характер их научной деятельности и что современный им город стал для них поистине естественной лабораторией, но и то, что каждую его часть и процесс социологи тоже считали «лабораторией» – будь то городской район, шайка или танцевальный зал.

Стоит отметить, что в монографии подчеркивается характерное для каждой фигуры многообразие методов исследования и своеобразие теоретической рамки, которая во многом направлялась эмпирическими исследованиями: «Многообразие методов и процедур сбора данных определялось не какими-то эксплицитными правилами, а скорее общими представлениями об изучаемом предмете, исследовательскими нуждами и попросту обстоятельствами. Была задача в чем-то разобраться, и для достижения этой цели использовались все доступные способы» (с. 67). В главе о Р. Парке мы убеждаемся в том, что принцип «многофазности, многофокусности, многометодности» (с. 111) являлся программным идеалом не только самого Парка, но и всех его коллег. Для Л. Вирта «общие положения, генерализованные описания, эмпирические утверждения, ценностные суждения и практические рекомендации сплавлены в неразрывный синтез и трудно сепарировуются друг от друга» (с. 128). Творчество Э. Хьюза также характеризуется как образец соединения теории с эмпирической работой и представляет собой «многомерную синтетическую амальгаму» (с. 140) изучаемой реальности. При этом показано, как Хьюз переходит от экологии сообществ к экологии институтов, знаменуя развитие социологической теории институтов.

Глава об антропологе Р. Редфилде значительно дополняет наше представление о Чикагской социологической школе тем, что социология и антропология тесно переплетались в ней, были органически связаны, между ними не проводились четкие границы. Наследие Редфилда раскрывается с точки зрения дополнительности знания о городе, который в понятийном смысле противопоставит сельским поселениям (у Редфилда – «народным обществам»), поэтому с Редфилда в целом начинается опыт применения знаний, полученных в исследовании независимых традиционных обществ, к американским крупногородским объединениям, сообществам и процессам. Характерен в этой связи вывод, во многом характеризующий стиль и логику всех глав монографии: «В содержательном плане Редфилд показал на разных материалах, что под влиянием контактов с городской цивилизацией в “народных обществах”, прежде организованных, гомогенных, сакральных и коллективистских, возрастают гетерогенность, дезорганизация, секуляризация и индивидуализация. Эти же процессы отмечались как ключевые параметры урбанизации и городских сред в городских исследованиях чикагских социологов» (с. 196).

Завершается первая часть главой об У. Огборне, авторе концепции «культурного лага», которая дополняет наши знания об исследованиях Чикагской школы уже по тематике «общество, наука и техника». Эта глава еще раз свидетельствует о том многообразии исследовательских перспектив, которое характерно для данной школы, в частности, показывается история понятия (культурного лага), которое впоследствии неоднократно подвергалось критике, но будет оставаться знаковым для истории науки и широко распространённым в публичной сфере.

Вторая часть книги «Чикагская революция в политической науке», написанная Д.В. Ефременко, содержит главы о фигурах в политической науке (Ч. Мерриаме, Г. Лассуэлле, Г. Госнелле, Л. Уайте), которые несколько отличаются от глав о социологах тем, что более завязаны на биографиях ученых как публичных фигурах или общественных деятелей, что оправданно, поскольку научным стилем Чикагской школы был сплав научно-исследовательской и публичной деятельности с целью решения социальных проблем. Общим для данной школы является фактически первый опыт широкого использования количественных методов в политической науке, а также включенность этих ученых в общественную и политическую деятельность (в биографиях отражено, что многие из них работали на правительство и в общественных организациях). В этой части подробно охарактеризован лидер и родоначальник политической науки в Чикагском университете – Ч. Мерриам, его заслугой стало продвижение «новаторских эмпирических методов», которые систематически стали использоваться его учениками и последователями, именно он «дал толчок развороту американского политологического сообщества к изучению политического поведения, междисциплинарности и внедрению эмпирических

методов» (с. 227). Кроме того, мы узнаем, что Мерриам выступил «с проектом создания на базе Чикагского университета новой суперструктуры, призванной обеспечить прямую связь науки, образования и государственного управления путем переориентации социальных исследований на нужды практической политики» (с. 228), которая должна была стать «центром экспертной поддержки политических решений и вместе с тем школой подготовки кадров для государственной службы» (там же). Это во многом характеризует Чикагскую школу в социологии и политической науке, и подчеркивая этот момент, авторы достигают единства и преемственности всех глав в монографии.

В других главах мы узнаем новые интересные факты из жизни политологов Чикагской школы, получаем представление о специальной проблематике каждого и едином стиле эмпирических исследований. Например, проблематикой Л. Уайта было государственное управление и политика, у Г. Лассуэлла – политическая пропаганда (очевидна здесь социально-психологическая подоплека его исследований), у Г. Госнелла – политическая активность и расовые отношения, хотя этим и не исчерпывается их наследие.

Монография завершается очерком о судьбе двух направлений в Чикагском университете, которая не была простой, а научное наследие остается недостаточно изученным. Эта монография отчасти закрывает этот дефицит в истории науки, снабжая нас многочисленными фактическими и теоретическими деталями. Вторая часть монографии несколько меньше по объему, однако в полной мере дает представление о многих актуальных сюжетах творчества чикагских политологов, которые изложены не полностью, но побуждают читателя самостоятельно изучить их.

Можно утверждать, что книга является одним из образцов историко-социологического исследования: в ней изложены внутринаучные и вненаучные факторы эволюции Чикагской школы в указанных научных направлениях. Результатом знакомства с монографией «может стать не только лучшее понимание истории дисциплины, но и углубление наших представлений о внутренней логике, возможностях и границах социологического познания» (с. 136). В заключение отметим, что книга о «мыслителях города ветров» восполняет лакуны в отечественной литературе по истории социологии и помимо самостоятельного значения как научной монографии вполне может послужить полезным и захватывающим чтением для желающих глубже понять основания социальной науки на примере чикагского стиля и истории американского общества.

О.А. СИМОНОВА

СИМОНОВА Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (Osimonova@hse.ru).

Efremenko D.V., Nikolaev V.G. THINKERS OF THE WINDY CITY. PRAGMATIST SOCIAL SCIENCE IN CHICAGO IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY / Ed. By N.E. Pokrovsky. Moscow: INION RAN, 2024. Reviewed by O.A. SIMONOVA

DOI: 10.31857/S0132162524050187

Olga A. SIMONOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Prof. Department of Sociology, HSE University, Moscow, Russia (OSimonova@hse.ru).
